

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.12>

Поздеев Игорь Леонидович, Русских Татьяна Николаевна

**РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРОЦЕССЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОГО ЭТНОСА)**

В статье выявлены авто- и гетеростереотипные представления удмуртов, проанализированы их формирование и влияние на выбор стратегии поведения в процессе внутри- и межэтнической коммуникации. Авторы отмечают, что в результате межэтнического взаимодействия этим народом был выработан усредненный, приемлемый для большинства тип коммуникативного поведения, характеризующийся сдержанностью, закрытостью, слабо выраженной эмоциональностью. Однако усилившиеся в последние годы миграционные движения, ускорение ассимиляционных тенденций требуют выработки новых коммуникативных стратегий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 55-59. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Архив Управления ФСБ России по Волгоградской области. Ф. 7. Оп. 1.
2. Белокриницкая иерархия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77938.html> (дата обращения: 25.06.2018).
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-1772. Оп. 1.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5.
5. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6.
6. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов и материалов: каталог культовых зданий / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина; под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград: Издатель, 2002. 536 с.
7. Гринченко Я. С. Культура старообрядцев Нижнего Поволжья: дисс. ... к.и.н. Волгоград, 2011. 230 с.
8. Крапивин М. Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917-го – конец 1920-х гг.): дисс. ... д.и.н. СПб., 1999. 712 с.
9. Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м – 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 708 с.
10. Редькина О. Ю. Староверы Нижней Волги и Дона в XIX-XX вв. // Российская история. 2012. № 4. Июль-август. С. 15-27.
11. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1.
12. ЦДНИВО. Ф. 8. Оп. 1.
13. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1.
14. ЦДНИВО. Ф. 76. Оп. 1.

**PECULIARITIES OF STATE POLICY IN RELATION TO THE COMMUNITIES OF OLD BELIEVERS
AND OLD RUSSIAN SECTARIANS OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE 1920-1930S**

Piskunov Nikita Vladimirovich
Volgograd State University
piskunov@volsu.ru

The article analyses the peculiarities of the Soviet state policy in relation to the Sectarian and Old Believers' Communities of the Lower Volga and the Lower Don region in the 1920-1930s. In this period the authorities' attitude to them was changeable. In the first decade of the USSR existence the state considered the Sectarian and Old Believers' Communities of the Lower Volga region as an ally in the struggle against the Russian Orthodox Church. But by the beginning of the 1930s of the XX century the state policy in relation to them had changed cardinally, having transformed into long-term persecution that was conditioned by the formation of the totalitarian Stalinist regime.

Key words and phrases: Old Belief; Old Russian Sectarianism; state-confessional relations; Soviet state; League of Militant Atheists.

УДК 93/94; 392.7

Дата поступления рукописи: 02.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.12>

В статье выявлены авто- и гетеростереотипные представления удмуртов, проанализированы их формирование и влияние на выбор стратегии поведения в процессе внутри- и межэтнической коммуникации. Авторы отмечают, что в результате межэтнического взаимодействия этим народом был выработан усредненный, приемлемый для большинства тип коммуникативного поведения, характеризующийся сдержанностью, закрытостью, слабо выраженной эмоциональностью. Однако усилившиеся в последние годы миграционные движения, ускорение ассимиляционных тенденций требуют выработки новых коммуникативных стратегий.

Ключевые слова и фразы: автостереотипы; гетеростереотипы; коммуникативные стратегии; межкультурное взаимодействие; удмурты.

Поздеев Игорь Леонидович, к.и.н.

Русских Татьяна Николаевна, к.и.н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск
pozdeev79@gmail.com; tatyana_russkih@mail.ru

**РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ
В ПРОЦЕССЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОГО ЭТНОСА)**

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38 «Цивилизационное пространство Урало-Поволжья: социально-демографические характеристики, политико-экономический статус, этнокультурные традиции».

Этнокультурное разнообразие российского общества оказывает несомненное воздействие на этническую идентичность и самоощущение народов России, обуславливает специфику межкультурного взаимодействия,

отражается на выборе стратегий государственного развития как отдельных регионов, так и всего общества. И в этой связи чрезвычайно важным является рассмотрение имеющихся в духовной культуре каждого народа специфических этнических стереотипов как «наиболее устойчивых, типизированных и эмоционально заряженных образов-представлений, содержащих в себе универсальные элементы комплексной программы межличностных отношений как внутри этноса, так и с иноэтничным окружением» [8, с. 327].

Актуальность темы определяется необходимостью получения целостного представления о влиянии культурных маркеров на процессы межэтнического взаимодействия и сохранения межнационального согласия в регионах Урало-Поволжья. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые описано влияние этнических стереотипов удмуртов на формирование приемлемого для большинства коммуникативного типа поведения, имеющего специфический набор норм и правил.

Целью работы является рассмотрение авто- и гетеростереотипных представлений удмуртов в контексте выбора поведенческих стратегий в процессе внутри- и межэтнической коммуникации. Источниковой базой исследования послужили полевые материалы, собранные путем экспертных опросов, включенного наблюдения в городах и сельских районах Удмуртии, а также среди удмуртов, компактно проживающих в Республике Татарстан. Из собранных авторами в 2003-2017 гг. материалов были сформированы архивные дела, сданные в архив Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

Для начала отметим, что авторы рассматривают стереотипы в качестве «упорядоченных, схематичных, обусловленных культурой образов мира, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции» [9, с. 68]. Благодаря этническим стереотипам из поколения в поколение транслируется накопленный и переработанный коллективный опыт этноса, который усваивается человеком в процессе социализации и во многом определяет его поведенческие практики. При этом сложившиеся этностереотипы изменить практически невозможно, они оказывают воздействие на человека в течение всей его жизни.

В процессе общения с представителями других этносов личность «обычно проявляет естественную склонность воспринимать их поведение с позиции своей культуры, что может приводить к внутреннему конфликту на уровне индивидуума» [11, с. 356]. Соответственно, вызванные внутренним конфликтом дезориентация и беспомощность могут вылиться и в столкновения между людьми. За примерами далеко ходить не надо: в информационном издании для иностранных граждан, подготовленном сотрудниками УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН и Министерством национальной политики Удмуртской Республики и вобравшем в себя наработанный опыт взаимодействия с приезжими, отражены наиболее часто встречающиеся конфликтные ситуации, возникающие при общении людей с разными культурными установками, начиная от чересчур громкой речи в общественных местах и заканчивая взаимоотношениями с противоположным полом [4, с. 70-71]. Стереотипные представления не только облегчают отношения, упрощая выбор модели поведения в процессе коммуникации с представителями другой этносоциальной общности, но и порой усложняют их.

Рассмотрим взаимное восприятие северных и южных удмуртов. Следует отметить, что формирование и развитие этих этнографических групп происходило во взаимодействии с соседними народами. Это, в свою очередь, нашло отражение в этнокультурных различиях и в особенностях их коммуникативного поведения. Разделение, ощущаемое, прежде всего, на уровне самоидентификации удмуртов, подкрепляется диалектными отличиями, разницей в материальной культуре. Так, наиболее яркий «внешний» маркер этноса – костюмный комплекс – традиционно подразделяется на северный и южный [2, с. 80].

Респонденты отмечают: «Не только в ученой среде, но и вообще у общественности, которая локализуется в Ижевске и центральных районах, сложился стереотип, что северные удмурты – “палдэм шелеп” – отколовшиеся от основного этнического массива удмуртов, с ними работать сложно, неинтересно, они этническую идентификацию теряют, а может быть в какой-то степени даже утратили» [6, д. 1637, л. 11]. Они более замкнутые, в коммуникативном взаимодействии предпочитают занимать пассивную позицию стороннего наблюдателя и терпеть воздействие негативных факторов. Возможно, для них это удобнее, проще всего замкнуться в своем панцире, говоря «мы не понимаем, мы удмурты» [Там же].

Южные удмурты, по мнению северных, отличаются большей активностью и открытостью в процессах коммуникации, поскольку изначально оказались в сфере интенсивного взаимодействия с тюркоязычным миром. Описывая же автостереотипные представления, они отмечают следующие черты: стеснительность, трудолюбие, альтруизм, который сильно доминирует над корыстью, простота в общении, рассудительность.

Удмурты из Татарстана, характеризуя коммуникативное поведение удмуртов, проживающих на территории Удмуртии, выделяют такую черту, как медлительность, которая прослеживается и во время разговора, и в ритме их жизни: «Тамошние удмурты и разговаривают медленнее, и жизнь у них более размеренная, – у нас такого нет: и разговор быстрее, настрой на то, что сделать надо быстро» [Там же, л. 18]. Говоря о своих особенностях, помимо быстрого темпа речи, они подчеркивают коммуникабельность, уступчивость, упорство, привязанность к месту и к людям. По признанию респондентов, жить в окружении татар нелегко, но исторически была выработана специфическая коммуникативная стратегия во взаимоотношениях с преобладающим этносом: «Среди другого народа жить очень сложно. Они нас и заставляют быстрее двигаться. Они нас уже называют, из-за того, что тремя образованиями владеем, татарскими евреями – умеем жить!» [Там же, л. 19].

Однако и для северных, и для южных удмуртов, как и для удмуртов Татарстана, наиболее камфорным все-таки является общение с представителями своей национальности. Только говорящий на одном языке человек, близкий по менталитету, обладающий схожим взглядом на мир, может выслушать и понять тебя, искренне посочувствовать твоим бедам и порадоваться твоим успехам. Поэтому в общении они чувствуют

себя относительно комфортно, смело вступают в разговор, активно его поддерживают, могут обсудить любые темы, подискутировать, не боясь быть непонятыми.

Татарин, в соответствии с гетеростереотипными представлениями удмуртов, может выступать своеобразным эталоном человека, приспособленного к современной социальной действительности. Он коммуникабелен, общителен со всеми, быстро преодолевает формальную стадию знакомства. В споре всегда найдет нужные аргументы, отстаивая свою точку зрения, а также сможет польстить собеседнику, завоевав таким образом его расположение к себе. Татарин – изворотливый и наглый, рассудительный, во всем старается искать выгоду, исходя из этого, и выстраивает отношения. Он, достаточно шустрый, старается везде успеть, оказываясь в нужное время в нужном месте. При этом татары чрезвычайно трудолюбивы, часто проявляют смекалку и сообразительность. Вот как удмурты Татарстана отзываются о своих соседях: «Так, как татары работают, удмурты вообще не работают совершенно. Татары работают для себя страсть как. Я просто удивляюсь... Они все делают, чтобы республика блестела, кричала» [Там же]. Отмечают удмурты в татарах и такую черту, как взаимопомощь: «Татарин татарина никогда в беде не бросит. Они друг за друга стоят горой, в отличие от нас удмуртов. У нас, к сожалению, все чаще каждый сам за себя» [12, д. 1598, л. 21].

Особенности коммуникативного поведения татар, например, громкий разговор в общественных местах, повышенная тональность, некоторая развязность, часто вызывают раздражение у удмуртов. В связи с этим среди удмуртов Игринского и Балезинского районов бытуют присказки: «Бигеръёс куинь кузя ке, отын базар ни». / «Если три татарина вместе, там уже базар»; «Бигерен вераськыкуд кисьяд пуртэд мед луоз». / «Когда разговариваешь с татариним, держи в кармане нож»; «Бигеръёс удмуртъёстэк улыны уг быгато». / «Татары без удмуртов жить не могут»; «Удмурт, пе, ыж вордэ, бигер шуба нуллэ». / «Удмурт овец разводит, а татарин шубу носит» [Там же, л. 54]. Северные удмурты отмечают, что в общении с татарами они могут быть замкнутыми, предпочитают лучше промолчать или избежать контакта. Такая специфика в общении нашла отражение и в коммуникативной лексике, где можно обнаружить немало негативных вербальных символов, например, «бигер голоша кадь» (букв.: «как татарская галоша», аналог. рус.: «некрасивый, уродливый»), «бигер кышно» (букв.: «татарка», в значении – «вздорная, болтливая, сварливая баба»), «бигер кутэм» (букв.: «поймал татарин», используется для обозначения диареи). Часть же старших респондентов из южных районов региона отмечают, что они больше доверяют татарам, нежели русским, с ними им легче найти общий язык.

Вообще, удмурты реже выбирают татар в качестве друзей и собеседников, но при этом большинство респондентов разного возраста уважительно говорят, что именно этот народ неплохо «устроился» в современных условиях, приводя в качестве примера их социальную активность («В Удмуртии татары везде влазят, к вам даже вот в Ижевск со стороны улицы Азина заезжаешь, и то стоит мечеть» [6, д. 1637, л. 23]), занимаемые высокие должности, успешность в бизнесе, умение лавировать в быстро меняющейся социальной среде и отстаивать свое мнение, интересы.

Сами же татары, характеризуя удмуртов, подчеркивают в них такие черты, как уважительное отношение к собеседнику, тактичность, простота, добродушие на фоне исключительного упрямства. «Упрямство – это первое качество, которое приходит на ум татарину при упоминании удмуртов. В связи с этим в татарском языке есть устойчивые словосочетания *куре ар* (букв.: упрямый удмурт), *куре ар кебек* (букв.: упрямый как удмурт)» [3, с. 246]. Если удмурт что-то затеял, его уже невозможно переубедить никакими доводами, при внешнем согласии он все равно останется при своем мнении и будет действовать по-своему. Такое упрямство в большинстве случаев непонятно татарам и даже настораживает их, поэтому в рамках коммуникативного взаимодействия между представителями этих этносов возникает ощущение недопонимания и недосказанности.

Русский, по представлениям удмуртов, тоже очень шустр, энергичен, хотя в этих качествах уступает татарину. В определенной степени ему присуща корысть, но при этом не чуждо и чувство альтруизма. Рассудительный, открытый для общения, он может подать себя в выгодном свете, расположить к себе собеседника. Часть северных удмуртов характеризовали себя как «русский удмурт», «удмурт с русским сознанием» и т.д. Это говорит о том, что респонденты находят в коммуникативном поведении и национальном характере русских близкие качества, следовательно, им легче общаться с ними. Близость во многом обусловлена еще и повсеместным использованием русского языка в деловой сфере и в быту, особенно молодыми удмуртами северных районов республики. В то же время некоторые респонденты выделяют такие характерные для русских черты, как лживость и изворотливость. Это свидетельствует о том, что в общении между ними не всегда складываются доверительные отношения, присутствует настороженность со стороны удмуртов. Подчеркивают удмурты в русских и определенную степень надменности: «Разговаривая с русскими, я вдвойне слежу за правильностью произношения слов, стараюсь меньше “окасть”, потому что малейшая ошибка с моей стороны вызывает у них смех, повод подшутить надо мной, назвать вотячком» [12, д. 1598, л. 41].

По мнению русских, удмурты очень зажатые и стеснительные [Там же, л. 42]. Они обидчивы, не любят делиться своими планами, рассказывать о своих родственниках, предпочитают держать все в себе. Для них характерно упорство: «...если удмурт поставил перед собой цель, он будет стремиться ее достичь изо дня в день, маленькими шажочками, разными путями, методом проб и ошибок, но непременно добьется своего» [Там же].

Предпочтение северными удмуртами русских в качестве собеседников, а южными удмуртами – татар объясняется особенностями исторического развития удмуртского этноса. Северные удмурты ранее всего начали контактировать с русскими, пришедшими по р. Вятка, раньше вошли в состав Российского государства, во многом совпадали образ жизни и хозяйственный уклад и русского, и удмуртского крестьянства,

сходными были и их этические представления. Для южных удмуртов более привычны межэтнические коммуникации с татарами, поскольку, как уже говорилось выше, они исторически находились преимущественно в сфере влияния тюркоязычного мира, что предопределило интенсивные хозяйственно-бытовые и этнокультурные взаимодействия между ними.

Следует отметить, что на территории Удмуртской Республики происходило активное взаимодействие трех этнокультурных массивов – финно-угорского, славянского и тюркского, – отразившееся в дальнейшем в сложном этническом составе населения республики. «По данным последней Всероссийской переписи населения, здесь проживает 1521420 человек – представителей более 130 национальностей» [4, с. 5]. Опыт сосуществования нескольких этносов сделал привычным для местных жителей соседство с людьми, разговаривающими на ином языке, исповедующими иную религию, с другими традициями и обычаями, выработал у удмуртов усредненный, а потому приемлемый для большинства тип коммуникативного поведения, характеризующийся следующими нормами и правилами.

Самое главное правило в общении – это сдержанность, стремление не обидеть собеседника. На вербальном уровне оно проявляется в негромкой речи, немногословности, отсутствии стремления показать себя, завоевать всеобщее внимание, на невербальном – в минимальном выражении эмоций, скудной жестикуляции. При общении с малознакомыми или незнакомыми людьми удмурты обычно неразговорчивы, занимают позицию слушающего. Ориентация на собеседника в коммуникативных практиках проявляется в отсутствии громких споров и навязывания своей точки зрения.

Наряду с этим присутствует и ориентация на общественное мнение, которая порождает высокий уровень самоконтроля и зачастую нежелание высказывать свою точку зрения по какому-либо вопросу во избежание общественного осуждения или непонимания.

Следующая норма – обязательность фатической коммуникации, под которой подразумевается «обмен неинформативными сообщениями с целью поддержания контакта из вежливости, уважения, заполнения пауз в беседе и т.д.» [7, с. 55]. Данная норма находит свое выражение в том, что общение не принято сразу начинать с деловой части. Фатическая коммуникация используется в ситуациях повседневных встреч на улице, кратких визитах, приглашениях в гости, когда два человека остались наедине в ожидании чего-либо или кого-либо. К типичным темам подобной формы общения относятся разговоры на общие темы, не затрагивающие личных проблем. Малознакомые собеседники обычно выстраивают темы в порядке «ступенчатого сужения образов» [5, с. 62], начиная от макрокосма (погода, общероссийские и общемировые новости), далее идут мезокосм (общие знакомые, односельчане) и микрокосм (индивид, его домочадцы). При разговоре хорошо знакомых общение строится иначе: микрокосм – мезокосм – макрокосм. Данная схема отражает доброжелательность и положительное отношение к собеседнику.

Малознакомым и незнакомым людям не принято давать советы, делиться с ними планами на будущее, рассказывать о своих близких родственниках и друзьях. Подобное объясняется двумя причинами: во-первых, считается, что собеседник может расценить подобные разговоры как хвастовство и навязчивость, а во-вторых, сохраняется представление о том, что публичное озвучивание планов может привести к сглазу. Считается допустимым предупреждение о возможных неприятностях (например, об открытой сумке, развязавшихся шнурках и т.д.). Также негативно у удмуртов воспринимаются прикосновения малознакомых людей. Любой телесный контакт со стороны незнакомого расценивается как нарушение личного пространства и вызывает чувство неприязни. Особенно не разрешается незнакомому человеку дотрагиваться до спины: так можно забрать здоровье и жизненную силу.

Добавим, что формирование у удмуртов описанного типа коммуникативного поведения во многом способствует тому, что регион характеризуется как территория с благоприятной культурной средой для принятия мигрантов. Приезжие из сопредельных государств отмечают республику как одну из спокойных в плане межэтнических и межрелигиозных отношений.

Необходимо отметить, что у взрослых респондентов стереотипы выражены четче, являются более устойчивыми, следовательно, оказывают большее влияние на их коммуникативное поведение. Среди респондентов старших возрастов прочно закреплен пласт лексики, которая отражает их гетеростереотипные представления и наряду с этим имеет негативную окраску: «кудзем зуч кадь» (букв.: «как пьяный русский», в значении: «бессвязно, непонятно говорящий человек»); «бигер кышно – лек пушнер» (букв.: «татарка – злая крапива»; в значении: «злая женщина, способная больно ранить своим словом»). Возможно, подобное связано с бытующим представлением о том, что к чужаку всегда нужно относиться настороженно, особенно к человеку, который говорит на другом языке, исповедует другую религию. Считается, что чужак в семью ничего хорошего не принесет [1, с. 483-484].

Молодежь декларирует условность стереотипов в общении, отмечает, что практически не использует их, поскольку в каждом народе есть разные люди: можно прекрасно общаться и дружить и с татаринном, и с русским. В то же время молодые люди могут дать четкую характеристику представителям каждого народа. Отсюда мы можем сделать вывод о сформированности стереотипных представлений молодежи, а потому на подсознательном уровне, так или иначе, они оказывают влияние на выбор стратегии поведения при коммуникации с представителями других этносов.

Авто- и гетеростереотипы удмуртов являются составной частью этнического самосознания, выполняющего функцию объединения этноса и в то же время сохранения культурной границы с другими народами. В них заложены модели поведения и эмоциональная составляющая идентичности народа. Во многом

сформированные под влиянием иноэтничного окружения стереотипные представления удмуртов отражают практики адаптации к социальной реальности, этим были обусловлены слабая социальная активность, стремление замкнуться в себе, уйти от конфликтов. Но современная действительность, в том числе активизация миграционных процессов между государствами, ускорение ассимиляции удмуртов вынуждают искать новые адаптационные стратегии. В текущих условиях исторически сложившаяся тактика поведения может вызвать у части удмуртов ощущение недостаточной общественной интеграции, слабые перспективы социального признания и снижения в силу этого индивидуальной самооценки, веры в собственные силы [10, S. 283]. Думается, что это является одной из причин активных ассимиляционных процессов, характеризующих удмуртское социальное пространство. Представители этноса ощущают необходимость в подобных переменах. Тем не менее на фоне распространения массовой культуры, способствующей унификации общества и утрате этнической самобытности, наблюдается повышение уровня национального самосознания удмуртов, которое проявляется в потребности изучать свою национальную культуру, язык. Все это внушает определенный оптимизм в будущее удмуртского этноса. Положительным примером здесь выступают и поведенческие практики удмуртов Республики Татарстан, основанные на культурном обмене и межэтническом взаимодействии.

Список источников

1. **Байтеряков Н. С.** Жин азвесь крезьгурен: Кылбуръёс но поэмаос. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 654 с.
2. **Белицер В. Н.** Народная одежда удмуртов. М.: АН СССР, 1951. 141 с.
3. **Газизуллин И. Р.** Малмыжские удмурты глазами татар // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Глазов, 11 декабря 2015 г.). Глазов: Аверс, 2016. С. 243-250.
4. **Гостеприимная Удмуртия:** информационное издание для иностранных граждан из стран СНГ, находящихся на территории Удмуртской Республики / гл. ред. А. Е. Загребин; Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук; Научно-исследовательский центр «Антропология диаспор»; Региональная общественная организация национально-культурного развития «Ассамблея народов Удмуртии». Ижевск: Монпоражён, 2015. 102 с.
5. **Кузнецов А. В.** Речевой этикет народов Волго-Уралья: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 320 с.
6. **Материалы полевых этнографических исследований, собранные в 2013 г. научным сотрудником отдела исторических исследований, к.и.н. И. Л. Поздеевым в г. Ижевск, г. Глазов Удмуртской Республики, Кукуморском районе Республики Татарстан по гранту РГНФ «Ресурсный потенциал удмуртов в различных социо- и этнокультурных средах» (номер проекта 12-31-01011) // Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН). РФ. Оп. 2-Н.**
7. **Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / ред. А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин.** М.: Наука, 1982. 152 с.
8. **Поздеев И. Л.** Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации: удмуртские стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2017. Т. 17. № 3. С. 327-337.
9. **Прохоров Ю. Е.** Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: КомКнига, 2006. 224 с.
10. **Рюссман К., Диркес С. М., Хилл П. Б.** Социальная дезинтеграция и стиль отношений как детерминанты ксенофобии // Zeitschrift für Soziologie. 2010. Yg. 39. N. 4. S. 281-301.
11. **Стефаненко Т. Г.** Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2006. 386 с.
12. **Этнографическое обследование Глазовского, Кезского, Якшур-Бодьинского, Дебёсского, Игринского, Алнашского районов, а также городов Глазов, Ижевск, Можга в 2003-2012 гг. // НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н.**

**ETHNIC STEREOTYPES ROLE IN THE PROCESS OF INTER-ETHNIC INTERACTION
(BY THE EXAMPLE OF THE UDMURT ETHNOS)**

Pozdeev Igor' Leonidovich, Ph. D. in History

Russkikh Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in History

Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Center

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

pozdeev79@gmail.com; tatyana_russkih@mail.ru

In the article, the Udmurts' auto- and hetero-stereotyped ideas are revealed, and their formation and influence on the choice of the behaviour strategy in the process of intra- and inter-ethnic communication are analysed. The authors note that as a result of inter-ethnic interaction by these people, an average type of communicative behaviour, acceptable for the majority, and characterized by restraint, closeness, and mildly expressed emotionality, has been worked out. However, intensified migration movements in recent years and acceleration of assimilation trends require the development of new communication strategies.

Key words and phrases: auto-stereotypes; hetero-stereotypes; communicative strategies; cross-cultural interaction; the Udmurts.